

КАКИЕ НАУКИ И КАК ИЗУЧАЛИ КОСТРОМСКИЕ СЕМИНАРИСТЫ В ПЕРИОД ОТ 1814 ДО 1867 ГОДА?*

[фрагменты]

* Статья, фрагменты которой мы публикуем, являлась расширенным вариантом текста речи, произнесенной автором 6 февраля 1911 года перед воспитанниками семинарии в актовом зале духовной школы.

332

УЧЕБНАЯ система представляет собой дело величайшей важности, так как она дает учащемуся поколению тон, направление вглубь последующих времен. Потому-то она всегда была предметом высокого общественного интереса и особенной заботливости правительства, и для создания учебной системы, этой крайне великой и ответственной работы, призывались наилучшие просвещенные деятели в государстве. Тем большее значение приобретала духовно-учебная система, в частности в духовных семинариях, где получали образование будущие пастыри Церкви. В первой половине XIX века русская история отмечает два периода в духовно-учебной системе: по реформе 1814 года началось с 1815 года проведение начертаний Комиссии духовных училищ, а в 1840 году учебная часть в духовных семинариях снова подверглась реформе и впредь до устава 1867 года. (...)

В конце XVIII века и до 1815 года классы при Костромской духовной семинарии были следующие: богословия, философия, риторика**, пиитика, грамматика; последний класс разделялся на три отделения: высший грамматический курс, называемый синтаксимой, средний и низший информаторический, называемый иначе этимологический. Пред реформой семинария состояла из двух только классов или отделений с двухгодичным курсом — из высшего и низшего; но в 1815 году низшее отделение разделено на два, и учебный семинарский курс стал распадаться на три класса или отделения: высшее, среднее и низшее отделение, остальные же низшие классы отнесены к духовным училищам. Весь курс в реформированной семинарии был уже шестилетний. Два года было положено для класса словесных наук со всеобщей гражданской историей; следующие два года — для класса философских наук, и последние два года — для класса богословских наук с церковной историей. По главным или основным предметам — богословию, философии и словесности,

** Здесь и далее в исходном тексте — риторика.

из которых каждый был изучаем в течение двух лет — назывались по предписанию от 1835 года и самые классы: высшее отделение — богословским или богословией, среднее называлось философским или философией, а низшее — словесностью или риторикой. Языки же греческий, французский и немецкий должны были преподаваться во все шесть лет, а еврейский — только в высшем отделении, иногда и в среднем отделении. Преподавание главных предметов происходило на латинском языке, хотя с течением времени объемом предметов, преподаваемых по-латыни, постепенно сокращался; на главные предметы назначалось и большее число уроков. После этого преобразования состояние Костромской духовной семинарии представляет уже мало особенностей, так как преобразованием все было поставлено в известные рамки во всех духовных семинариях. Предметы обучения, часы классических занятий были точно означены; введены по возможности одинаковые учебники; словом, все семинарии в учебном отношении подведены под один общий уровень. (...)

Кроме классных занятий и домашних уроков, в деле развития воспитанников семинарии весьма большое значение имели внеклассные письменные упражнения, которые в течение учебного года писались по всем главным предметам семинарского курса, иногда же на темы из математических наук, причем одна письменная работа сменяла другую. Темами по риторике обычно служили различные афоризмы, пословицы, изречения замечательных лиц и тексты Священного Писания. На такие темы семинаристы составляли хрии*, периоды, логические предложения, рассуждения и прочее. Темы по философии носили отвлеченный характер и были довольно трудны для изложения. Темы по богословию были чисто религиозно-нравственного характера. В высшем отделении семинаристы писали и проповеди по назначению, которые произносили в церквах. По словесности темы на краткие сочинения были даваемы по два или по три раза в неделю, а на сочинение более или менее объемистое на русском и латинском языке назначалась неделя; по философским наукам сочинения были еженедельные, а пространные — два, три раза в год, так же по предметам богословским. Нельзя здесь не заметить, что тогда, как впрочем и впоследствии, костромские семинаристы относились к писательству с особым старанием, всячески добывали и перечитывали разные книги на данную тему — в представлении, что все написанное подвергнется тщательному просмотру профессора, и с нетерпением ожидали, когда-то учитель принесет в класс сочинения для сдачи, уже рецензированные, при чем некоторые из них учитель прочитывал в классе с критическим разбором, иногда с юмором и метким остроумием. Главнейшим недостатком всех семинарских упражнений рассматриваемого периода было пре-

* Здесь и далее автор использует термины из риторики. Так, хрия — слово или рассуждение, которое изъясняет или доказывает какой-либо тезис.

Вид с соборной колокольни на Кострому (вниз по течению Волги). Фото начала XX века.

восходство формы, риторических прикрас над содержанием, отсутствие творчества и оригинальности, преобладание латинской конструкции речи. Несмотря на эти недостатки, справедливость требует сказать, что семинаристы в своих писательских способностях все-таки выдавались пред воспитанниками других средне-учебных заведений. Существовавшая в семинариях метода обучения писать по известным риторическим формулам (периоды, хрии, силлогизмы), распространять предложения синонимами, эпитетами и обстоятельствами, кстати и некстати употреблять тропы и фигуры, прибегать к так называемым топическим местам, игре понятиями, софистике, держась большей частью слога библейского или латинского, — эта метода отзывалась, конечно, рутиной и схоластикой и как крайность достойна порицания. Но эта же метода обучения сочинять имела и свою полезную сторону в том отношении, что помогала еще не установившейся мыслительной способности подходить к предмету и принимать определенный строй, приучала к порядку и логичности в изложении мыслей связной, периодически закругленной речью. Конечно, письменные упражнения на самые разнообразные темы составляли вернейшее средство к развитию и укреплению умственных способностей даже посредственных семинаристов и вместе являлись наилучшим способом к усвоению в умах учеников уроков, преподаваемых наставником. (...)

Во вторую половину царствования Николая I духовные семинарии наряду с другими духовными школами подверглись реформе, главным образом по учебной части. Эта духовно-учебная реформа в самом начале 1840-х годов в истории известна под именем реформы графа Н. Протасова; она произведена по упразднении дотоле

приводившей в движение учебное дело Комиссии духовных училищ. Реформа 1840 года исходила из того убеждения, что прежнее семинарское образование было слишком отвлеченно и недостаточно служило к тому званию, которому служило приготовлением. Главная цель этой реформы состояла в том, что семинарское образование было приспособлено таким образом, чтобы «воспитанники, при основательном изучении богословских наук, умели нисходить к понятиям простого народа и беседовать с ним о спасительных истинах веры и христианских обязанностях языком простым и вразумительным, между тем и по части вспомогательных наук получали такие познания, которые могли бы с пользой для себя и для будущих своих прихожан прилагать к их сельскому быту и, содействуя их благосостоянию, приобретали бы тем самым более средств к влиянию нравственному на сей важнейший по многочисленности класс населения». (Дело Учебного управления*, 1851 год, 6 марта). Две добрые цели достигаются нынешним курсом духовных семинарий, — писалось неоднократно в отчетах обер-прокурора Святейшего Синода Протасова за 1849, 1851, 1855 и другие годы, — главная и существенная — давать будущим пастырям душ отчетливое богословское образование с практическим применением к духовным потребностям паствы, другая — частная, подчиненная первой — снабжать их запасом и тех сведений, которыми они могут улучшать свой домашний быт и с тем вместе добрыми хозяйственными и врачебными советами усиливать свое нравственное влияние на сельских прихожан. Для этого было постановлено: 1) из главных, собственно духовных предметов семинарского учения в особенности приспособить к обязанностям сельского священника богословие пастырское и собеседователь-

Вид с соборной колокольни на Кострому (вверх по течению Волги, вдали — стрелка и Ипатьевский монастырь). Фото начала XX века.

335

* Учебное управление при Святейшем Синоде — орган управления духовными школами, существовавший в 1839—1867 годах.

*Костромской Бого-
явленский мужской
монастырь.
Рисунок художника
Чернецова, 1838 год.
Здесь в 1814–1847
годах размещалась
Костромская духов-
ная семинария.*

ное; 2) из вспомогательных предметов преподавать всем вообще ученикам начала философии (логику и психологию), российскую словесность, историю, физику и геометрию и языки греческий и латинский; 3) вместе с тем ввести новые предметы, особенно полезные в общежитии и житейском быту священника, как то: естественные науки, начала медицины и сельское хозяйство, дабы готовящиеся преимущественно в сельские священники чрез приобретение нужных сведений в сих науках могли иметь благотворное влияние на благосостояние народное. На этих основаниях определением Святейшего Синода от 9–12 августа 1840 года постановлено было: существующий в семинариях шестилетний курс, с разделением его на три отделения, оставить по-прежнему; учебные предметы расположить вновь и все преподавать на русском языке «с приспособлением их в пространстве и в образе изложения к главному назначению семинарий» и прочее. (...)

Все науки в этот период, согласно предписанию, были преподаваемы на русском языке. Этим устранялось одно из самых сильных препятствий успешному ведению учебного дела: преподаватели и их воспитанники до реформы 1840 года, как уже сказано, весьма затруднялись латинскими лекциями и разговорами, а в рассмотренный период времени, с падением классицизма, возможно было и совершенное взаимное непонимание. Но в методе преподавания осталась господствующей прежняя система. Наставники в период до реформы в 1867 году преимущественно читали свои лекции без перерыва в течение довольно значительного промежутка времени, затем устраивали в своем роде репетиции, — хотя некоторые, правда немногие, наставники для определения степени усвоения учениками заданного урока посвящали вопросам поч-

ти целые уроки. Наставники при чтении в классах лекций выдавали ученикам записки, самими ими составленные; большинство же наставников позволяли пользоваться записками своих предшественников; такие записки существовали почти по всем курсам семинарского обучения и передавались по наследству или за деньги, или же нужно было их списывать для себя. Таким образом, семинария своим строем учебной жизни несколько напоминала высшее учебное заведение.

Подводя итоги реформы 1840 года, мы видим, что тогда была сделана решительная попытка поднять в духовных семинариях значение предметов общеобразовательных и ослабить то схоластико-формальное направление, которым характеризуется дореформенный период духовной семинарии. И действительно, в период после сороковых годов нельзя не отметить постепенного вытеснения крайностей старого формального направления — усиление какого движения шло параллельно с развитием в учениках любви к чтению и жажды к знанию, особенно в шестидесятые годы. Теперь введены в семинарский учебный курс естественные новые науки, большей частью практического характера. Кроме того, в богословском курсе некоторые науки, прежде входившие в состав других, в период реформы были поставлены как особые, самостоятельные; это — учение о вероисповеданиях, ересь, расколах, пастырское богословие и гомилетика. Преподавание некоторых наук расширено и усилено; так, положено преподавать Священное Писание в полном объеме священного кодекса и к этому присоединена священная герменевтика; от общей церковной истории отделена в качестве самостоятельной науки патристика; получила большую определенность наука церковного права под названием «основания церковных законов и канонического права». Из философских же наук оставлены только логика и психология. С 1844 года Святейшим Синодом предписано вводить в духовных семинариях иконописание; в Костромской же семинарии обучение церковной живописи введено в 1852 году.

Как семинарские науки были распределены в целом учебном курсе, это представляется наглядным из расписания еженедельных уроков. Каждый урок продолжался по два часа, а именно: 9 и 10 часы, 11 и 12 часы и в послеобеденное время 3 и 4 часа, или по 16 уроков в неделю, всего 32 учебных часа, а в выпускном году 15 уроков или 30 учебных часов. В 1845 году число классических часов сокращено назначением для каждого класса по 1½ (вместо 2) часа на урок; но вместо двух уроков до обеда назначено три урока: от 8 до 1 часа и после обеда урок с 3 до 4½ часов. В *нижнем* отделении семинаристы изучали в первый год следующие предметы: катехизическое учение, всеобщую историю древнюю, алгебру и геометрию, греческий и латинский языки,

а во второй год в низшем отделении изучали: из Священного Писания книги Моисеевы и исторические, учение о богослужбных книгах, риторику и краткие понятия о поэзии, всеобщую историю, среднюю и новую геометрию и пасхалию, греческий и латинский языки. В *среднем* отделении семинаристы изучали в первый год учительные книги Ветхого Завета, библейскую историю, логику, русскую гражданскую историю, физику и естественную историю и читали сочинения греческих и латинских писателей, а во второй год в среднем отделении изучали: пророческие книги Ветхого Завета и священную герменевтику, библейскую историю, естественную историю и сельское хозяйство, логику (продолжение) и психологию, читали сочинения писателей по гречески и латыни. В *высшем* отделении костромские семинаристы изучали в первый год: священные книги Нового Завета, догматическое богословие, учение о вероисповеданиях, ересь и расколах, гомилетику, общую историю христианской Церкви, церковные древности и обряды, патристику, творения греческих и латинских отцов и учителей, начальные основания медицины и сельское хозяйство; а во второй год изучали: Священное Писание Нового Завета, богословие нравственное, учение о должностях пресвитеров, гомилетику, основания церковных законов и канонического права, историю Российской Церкви, творения греческих отцов и медицину. Немецкий, французский и еврейский языки (последний лишь до 1844 года) преподавались по четвергам и субботам в не занятые другими предметами послеобеденные часы.

Генеральная проверка знаний, приобретаемых учениками духовной семинарии, степень усвоения их и оценка способностей учеников производилась посредством экзаменов, которые являлись важнейшим средством для поддержания и выяснения вообще успешности учебного дела. На всем протяжении периода от 1815 до 1867 года экзамены производимы были обыкновенно два раза в год: во второй половине декабря (третней экзамен) и от двадцатых чисел июня по первую половину июля (годовые экзамены). Отсюда не можем не видеть, что и тогда еще хорошо сознана была та несомненная польза экзаменов, что они, заставляя учеников обозревать большую часть курса или — в конце учебного года — целый курс науки, служат для объединения, укрепления в сознании учащихся приобретенных за известный период или в течение года частичных знаний и, сверх того, побуждая учеников к усиленной и сосредоточенной работе, экзамены содействуют дисциплинированию ума и воли учащихся. Экзамены, производившиеся во второй половине декабря и с половины июня до 10–12 чисел июля, назывались частными или внутренними испытаниями в отличие от так называемых публичных, бывших по окончании годичных экзаменов — от 10 до 14 июля.

На внутренних испытаниях, по первоначальному плану экзаменов в 1818 году, присутствовали члены правления семинарии, состоявшего из ректора, инспектора и экономе, из наставников и профессора, и они давали испытуемым ученикам вопросы после преподавателя науки. Но затем, по предписанию Комиссии духовных училищ в 1828 году, испытания частные производимы были в присутствии учителя экзаменного предмета и одного или двух ассистентов из учителей преимущественно тех классов, в какие подлежали переводу воспитанники по успешной сдаче экзаменов. Пред началом экзаменов каждый наставник представлял к назначенному сроку ректору или в правление семинарии: а) конспект пройденного из науки, б) ведомости учеников с аттестацией их способностей, прилежания и успехов, и в) рассмотренные сочинения учеников. Конспект представлял собою перечень главных положений науки на русском языке, а по философии — на латинском языке. Небезынтересно здесь обозначить, каковы были профессорские аттестации в списках воспитанников Костромской семинарии, например за 1816 год. Так, в графе «каких способностей» находятся отметки: «очень хороших, хороших, средственных, не худых, ленив и безуспешен», в графе «какого прилежания» написано: «отличного, особеннейшего, постоянно бдительного, особенно хорошего, бдительного, неутомимого, неослабного, довольного, рачительного, порядочного, от части занимался»; в графе «каких успехов» имеются отметки: «отличных, очень хороших, преизрядных, изрядных, довольно порядочных, не худых, средственных».

План производства экзаменов составлялся ректором и определялся правлением семинарии. Так, в 1816 году назначено было произвести внутренние испытания от 18 по 23 число декабря. В первый день, 18 декабря, от 8 по 12 час дня ученики высшего отделения были испытываемы в знании священной герменевтики, а в 3–4 часа пополудни они же — в еврейском языке; 19 декабря ученики также высшего отделения держали экзамен до обеда по церковной истории, а в 3, 4 и 5 часах по греческому языку; 20 декабря до обеда происходило испытание учеников среднего отделения по философии, а в 3, 4 и 5 часах — по греческому языку; 21 декабря в 9 и 10 часах ученики среднего же отделения подвергались экзамену по ма-

«Богоявленский» период истории духовной школы закончился пожаром 1847 года, обротившим обитель в руины. На фото 1864 года: так выглядел Богоявленский монастырь при начале его воссоздания уже в качестве женского.

Кострома.—Kostroma. № 18.
Духовная Семинария.

Здания Костромской семинарии на улице Верхней Набережной, куда духовная школа переместилась из соборного дома. Открытка начала XX века.

340

ку; 23 декабря в 9–12 часах утра и в 3, 4 и 5 часах пополудни ученики низшего отделения подвергались экзамену по словесности. Для более определенного представления существа этих экзаменов всего в течение шести дней нельзя не сказать, что количественный состав Костромской духовной семинарии тогда был таков: в высшем отделении 32 ученика, в среднем 63 и в низшем 118, итого 213 учеников. При большем и постепенно возраставшем впоследствии количестве учеников спрашивали на внутренних экзаменах каждого ученика лишь по главным предметам: богословию, философии и словесности. Но в 1860-х годах уже все костромские семинаристы были испытываемы в знании каждого из предметов, преподаваемых им в течение сентябрьской трети, и тем более — в течение январской–майской трети учебного года. Ввиду же многочисленности учеников, особенно в низшем отделении Костромской семинарии, внутренние испытания по расписанию в ноябре 1866 года произведены с 1 по 22 декабря по два заседания в каждый учебный день, с 8 по 11 час утра и с 12 по 2½ часа пополудни. Что экзамены в декабре имели свое значение и даже грозное действие, видно из того, что в марте 1857 года было предписано — исключать малоуспешных учеников после декабрьских экзаменов, «но только после всех мер, принятых к исправлению таковых учеников». Значение декабрьских экзаменов достаточно усматривается из постановления правления Костромской духовной семинарии от 9 января 1867 года, по которому 12 ученикам, оказавшим в сентябрьской трети успехи недостаточные и, судя по их способностям, обещавшим оказать впредь успехи лучшие, дозволено продолжать учение в семинарии до усмотрения на следующем испытании, но с тем, чтобы они содержались уже на собственном иждивении, и те четверо из них, коим было назначено в декабре казенное пособие, лишены

тематике; в 11 и 12 часах ученики среднего и низшего отделений — по французскому языку, а в 3, 4 и 5 часах ученики тех же отделений — по немецкому языку; 22 декабря в 9–12 часах утра экзаменовались ученики низшего отделения в знании всеобщей истории и в 3, 4 и 5 часах они же — по греческому язы-

его; четыре ученика среднего отделения, как признанные не обещающими и впредь лучших успехов, тогда же исключены из семинарии, и затем для восполнения нормального числа учеников, определенного в количестве 400 для общего состава Костромской семинарии, включены в штат шесть семинаристов из числа учеников низшего отделения, в течение сентябрьской трети оказавших успехи достаточные, каковым ученикам с разрешения епископа Платона дозволено было обучаться ранее вне штата.

На внутренних испытаниях при окончании учебного года ученики семинарии должны были сдать письменные экзамены. Так, во время экзаменов от 16 июня и до 10 июля 1838 года костромские семинаристы написали одно сочинение на латинском языке, а другое – на русском, а именно – в высшем отделении на темы: *De primario objecto fidei christianae* (о первостепенном предмете христианской веры) и «О важности священнического служения»; в среднем отделении: *De ultimo fine hominis* (о последнем конце человека*) и «О необходимости нравственного образования»; а в низшем отделении: *De modestia iuventuti necessaria* (о скромности, необходимой для юности) и «О пользе умственного образования». Устные испытания производились по жребию или по так называемым билетам, чаще же чрез вопросы своих наставников. Достоинство экзаменных ответов учеников было отмечаемо профессорами в общей табели или по-русски, или же преимущественно по-латыни (иногда по-немецки, в 1833 году даже по-английски) так: *optime, eximie, elegantissime, belle, nota bellule, excellenter, eleganter, bene, ex parte bene, valet, mediocriter, non male, male, nihil respondet*. К балльной системе при оценке достоинства устных ответов испытываемых семинаристов в период до 1840 года прибегали редко, и в том случае, когда пользовались ею, отмечали тремя первыми цифрами приспособительно к разделению на разряды, так что в первое время самым лучшим баллом считалась 1 с значением весьма хорошо, ниже были целые и с дробями цифры: 2, хорошо и 3, слабо; впрочем, после 1840 года некоторые наставники вводили в балльную систему и более низшие отметки цифрами 4 и 5. По окончании внутренних экзаменов за весь двухгодичный курс (по определению Святейшего Синода от 1 марта 1857 года) составлялись по каждому предмету списки учеников известного отделения с разделением на разряды по успехам, при чем один и тот же ученик нередко оказывался в первом разряде, во втором и даже в третьем; но, конечно, были и такие ученики, которые по всем предметам значились в третьем разряде. В начале и конце 1850-х годов ученические успехи на экзаменах были отмечаемы баллами от 6 (лучший балл) до 1 (худший), даже ставили отметки $\frac{1}{2}$ и 0. Отсутствие однообразия в отметках успешности учеников производило большую путаницу, неудобно было для высшего епархиаль-

* Более корректный перевод: «О конечном назначении человека».

ного начальства при обсуждении им аттестации окончивших курс учеников. Ввиду этого Святейший Синод определением от 4 марта 1858 года постановил: самые лучшие успехи обозначать в аттестатах словами: «отлично, весьма и очень хорошо»; менее удовлетворительные успехи, соответствующие второму разряду, обозначать «хорошо, довольно хорошо, порядочно»; а неудовлетворительные успехи — словами «мало, слабо, недостаточно» — только для воспитанников третьего разряда, исключенных по малоуспешности или оставленных на повторительный курс. Но уже с 1860-х годов вообще установилась обычная пятибалльная система (с дробными) для оценки успехов учеников в прохождении наук.

Учебный курс по производстве переводных экзаменов от 15—20 июня до 10 июля оканчивался особыми экзаменами, большей частью от 11 до 13—14 июля, каковые экзамены назывались публичными, так как производились в присутствии епархиального архиерея и прибывших по приглашению многих чиновников епархии и знатнейших особ, образованных и даже малограмотных, но сильных своим богатством или влияниями. Первое публичное испытание учеников Костромской семинарии было при окончании первого по преобразовании ее учебного курса в 10 и 11 числа июля 1816 года, в 1817 году — 12, 13 и 14 июля, а в 1838 году публичные испытания кончились 22 июля в присутствии ревизора П. Делицына, профессора Московской духовной академии, к округу которой семинария была причислена после преобразования. Согласно ранее утвержденному плану, 10 июля 1816 года в утренние учебные часы лучший воспитанник высшего отделения при торжественной обстановке пред именитой публикой из духовных и гражданских властей, в присутствии всех профессоров и учеников, прочитал в семинарском зале рассуждение на тему: «Кроме внутреннего и внешнее богопочтение нужно для человека-христианина»¹. Затем, того же 10 июля от 10 до 2 часов пополудни, ученикам высшего отделения предлагаемы были по богословию, а ученикам среднего отделения — по философии разные предметы в виде уроков и состязаний; после обеда с 4 по 7 час вечера были публично испытываемы ученики среднего отделения по математике и физике, а ученики низшего отделения — по словесности. В 11 день июля с 10 до 2 часов пополудни произведен публичный экзамен ученикам высшего отделения по церковной истории, а ученикам низшего

¹ На публичном экзамене 12 июля 1817 года читано рассуждение на тему: «Многое в Священном Писании написано о Иисусе Христе, а многое ради Христа, и следовательно Спаситель человеческого рода есть главнейший Предмет и общий всему Священному Писанию». В 1820 году на публичном экзамене воспитанник прочитал рассуждение на тему: «Святые таинства, заповеданные Богом и совершаемые Церковью, нужны в деле человеческого спасения».

В 1894 году Костромское духовное училище покинуло соборный дом и расположилось в новом, специально для него построенном здании на Павловской улице. Фото начала XX века.

отделения — по всеобщей истории; после обеда от 3 до 7 часов экзаменованы ученики всех трех отделений в знании языков еврейского, греческого, немецкого и французского. Из более позднего времени, 1864 года, представим, как произведено по программе публичное испытание 13 июля в 5 часов вечера. По прибытии епископа Платона в залу собрания певчие пропели «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...», затем ученики были испытаны: а) в высшем отделении: 1) из догматического богословия «о лице Господа нашего Иисуса Христа»; 2) из нравственного богословия «об обязанностях христианина в отношении к самому себе»; 3) из истории Русской Церкви «о разделении Московской митрополии»; 4) из канонического права «о суде Церкви»; 5) из учения о русском расколе «о секте странников или бегунов»; 6) из народной медицины «о воздухе в гигиеническом отношении»; б) в среднем отделении: 7) из учения об отцах Церкви «о святом Иустине Философе и священномученике Киприане»; 8) из церковно-библейской истории «о состоянии церкви со времени персидского владычества»; 9) из учения о книгах Священного Писания «о книге Иова»; 10) из психологии «о субстанциальности и духовности души человеческой», и в) в низшем отделении: 11) из русской словесности «о сочинении вообще и о главных родах сочинений», введение в поэзию и об употребительнейших размерах русского стихосложения; 12) из всеобщей гражданской истории «о нравах и обычаях римлян»; 13) из геометрии «об измерении площади круга, поверхности и объема цилиндра». Затем учениками низ-

шего и среднего отделений прочитаны лучшие собственные их сочинения из числа написанных в течение учебного года. По языкам еврейскому, древним и новым ученики всех отделений были испытываемы чрез перевод разных статей на русский язык.

По окончании публичных экзаменов лучшие из учеников за отличные успехи и благонравие награждаемы были книгами в хороших переплетах, с надписями начальства семинарии; в награду выдавались обыкновенно учебные книги и пособия, которые большей частью не отличались интересным содержанием. Затем составлялись окончательные разрядные списки, на основании которых семинаристы первого и второго разрядов переводились в следующие, высшие по порядку классы, а воспитанники, окончившие двухгодичный курс в высшем отделении, получали звание студента или только окончивших курс семинарии; из неуспевших учеников третьего разряда одни оставлялись в том же классе на повторительный курс на два года, другие же увольнялись из семинарии для поступления на места; в первые же времена по реформе некоторые ученики были записываемы вне разряда и назывались «неудостоенные разряда». Наступала ваканция или каникулы с 15 июля до 1 сентября, с которого и начинался новый учебный год, по предварительном приеме окончивших полный училищный курс после кратких испытаний или же без них, если на выпускных экзаменах училищных присутствовал член семинарской корпорации.

В заключение речи о публичных экзаменах не можем не упомянуть о том, что в период от 1840-х годов на публичных экзаменах выступали только лучшие ученики, хотя в начале периода иногда бывали случаи вызова и второразрядных воспитанников на такое испытание. Число предметов, из которых спрашивали учеников на публичных испытаниях, часто бывало менее половины общего количества предметов семинарского курса. С начала 1850-х годов публичные экзамены уже не имели характера той пышности и торжественности, какой их обставляли до 1840 года, и с 1860-х годов они начинают прекращаться или выходить из употребления; в Костромской же семинарии последний такой экзамен происходил в половине июля 1866 года. Экзамены публичные прекращены с уставом 1867 года, конечно потому, что не имели целесообразного значения и пользы, а представляли собой лишь помпу, бесполезную в педагогическом отношении выставку, на которой имелось в виду показать именитой посторонней публике плоды семинарского питомника. Но при этом публичные экзамены соединены были с некоторой фальшью, так как спрашивали ответа от учеников в области лишь того небольшого, заранее определенного отдела из известной науки, познания в которой своих питомцев наставник находил возможным демонстрировать пред почтенным собранием

посетителей; даже вызывали к тому только тех лучших воспитанников, которые оказывались особо избранными.

Озирая общим беглым взглядом постановку учебного дела в период реформы от 1840 года, мы должны признать, что к получению семинаристами надлежащего образования направлены были и многочисленность и разнообразие предметов, входивших в состав семинарского курса, причем количество наук, преподаваемых тогда в духовных семинариях, было почти вдвое более того, какое преподавалось в европейских семинариях. Несомненно, от наших семинаристов даже с недюжинными способностями требовалось много времени, сил и терпения для более углубленного усвоения наук рассудком. Не следует при этом забывать, что и костромские семинаристы просиживали за учебными книгами долгие юношеские годы, упорным трудом преодолевали науки; совершали учебные свои подвиги в необычной для нашего времени обстановке, в крайне тесных помещениях, слабо ночью освещенных при учебных занятиях десятка лиц в одной квартире; ради науки мирились со скудостью питания, с бедностью одежды, а главное, учились без надлежащих печатных учебников. И однако же воспитанники семинарии с окончанием курса в ней не только не были слабы или скудны даваемым образованием, но из их среды нередко появлялись мужи, выдающиеся по высоким познаниям. Правда, художественная литература (в лице Нарезного, Помяловского и других) наложила в большинстве такую мрачную вуаль вообще на духовную старую школу, положила и в отношении учебного дела такое quasi-позорное* клеймо на духовную семинарию 1840–1850-х годов, что последняя не освобо-

Кремлевский ансамбль, на переднем плане – «архиерейский» соборный дом. Фото начала XX века.

345

* Здесь: будто бы позорное.

346

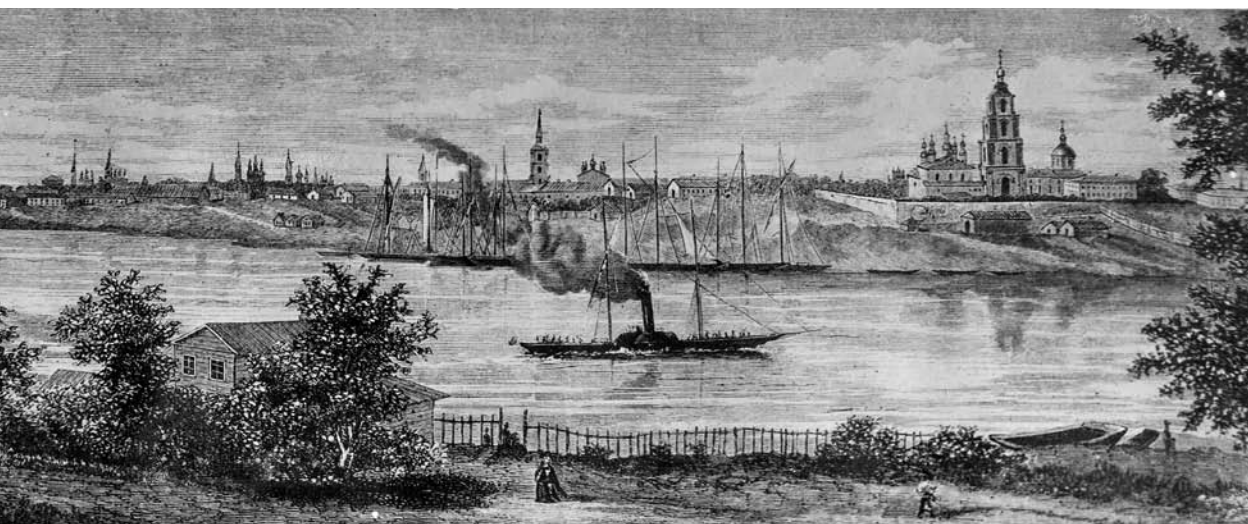
Е. Е. Голубинский (1834–1912) – выпускник Костромской духовной семинарии 1854 года, выдающийся церковный историк. Фото 1903 года.

дилась от него до сих пор, когда еще встречаются лица, продолжающие смотреть на семинаристов сквозь узкие и тусклые стекла этой литературы. Не отрицая некоторой доли правды в несомненно тенденциозных отзывах литературы и не вступая в опровержение их, мы лишь кратко заметим, что такие отзывы носят на себе чрезвычайно сильную субъективную окраску их авторов, которые не любили духовной школы и не могли спокойно судить о том, что они сами так или иначе пережили и перечувствовали. На самом же деле в духовных семинариях поставлен был истинный принцип образования и даны были сравнительно с тогдашними временами удовлетворительные условия его осуществления, особенно же когда

учебная система в духовной семинарии была построена «в надежду священства».

Насколько не только удовлетворительно, но даже высоко было образование костромских семинаристов в период от 1815 до 1867 годов, доказательством служит плеяда питомцев старой Костромской семинарии, завершивших свое образование в духовных академиях и светских высших учебных заведениях, и такими питомцами вправе гордиться наша alma mater доселе, тем более что из них наиболее просвещенные приобрели себе известность не только в России, но и за пределами ее. (...)

Приятно оглянуться назад, в эту глубь времен старой Костромской семинарии, когда видим, какие светлые лучи и потоки из этого рассадника просвещения изливались и просветляли сумрачный горизонт нашей епархии и даже отечества необозримого. При этом зрелище невольно исторгаются чувства удивления и благодарности к вышедшим из Костромской семинарии носителям света веры Христовой и энергичным деятелям в области истинного просвещения и русской государственности. Что же было причиной происхождения таких духовных феноменов? В ответ можно непогрешительно указать причину в том, что учебное дело в Костромской духовной семинарии в период рассмотренных реформ было поставлено более чем удовлетворительно. Видимо, что еще во время своего образования в Костромской семинарии прежние питомцы ее под руководством своих наставников вос-

питывали в себе горячую любовь к богословской науке и упорное трудолюбие в занятиях ею, воспитывали в себе искреннюю преданность святой Церкви Православной и любовь к дорогому отечеству, и над всем этим — искреннее стремление к той именно цели, к которой своим образованием и воспитанием предназначались, то есть к пастырскому служению среди народа.

Кострома, общий вид города. Гравюра К. Вейермана по рисунку А. О. Адамова (из журнала «Всемирная иллюстрация», 1872 год).

347

Баженов И. В. Какие науки и как изучали костромские семинаристы в период от 1814 до 1867 года? // Костромские епархиальные ведомости, 1911, отдел неофициальный; № 19, с. 579–581, 589–590; № 20, с. 608–609, 620–622; № 21, с. 640–648.